162774

сочинения и
переводы студентов
1818

V.N. Karazin Kharkiv National University
00798694 5

4484(2)411[67]
4448.4(44Кр) 08,43

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

СТУДЕНТОВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета, читанныя 1818 года Іюня 30 числа по окончаніи экзаменовъ ихъ.

462774
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. №

ВЪ ХАРЬКОВѢ,
Въ Университетской Типографіи,
1818 года.

Проверено ЦНБ 1959

Съ дозволенія Цензуры.

Центральна наукова бібліотека
ХНУ імені В. Н. Каразіна
2013р.

89
84

I. О цѣли ученія.

Студента Антона Пафнутьева.

Изъ всѣхъ предметовъ составляющихъ матерію умоизслѣдованія человѣческаго, ни одинъ не заслуживаетъ большаго вниманія, какъ цѣль ученія нашего; и можетъ быть ни какой предметъ не занималъ болѣе умовъ человѣческихъ, какъ сія же самая цѣль ученія.

Разсуждать о семъ, а особливо въ такое время, когда, кажется, ни чего не достаетъ къ усмотрѣнію сей цѣли; когда всѣ пути, ведущіе къ оной очищены опытностію и здравымъ разсудкомъ, и горизонтъ просвѣщенія человѣческаго блистаетъ во всемъ величіи своемъ; разсуждать, говорю, о семъ, значило бы возвратить морю нѣсколько капель воды, занятой у него же, а придать къ сему что либо новое, едвали не справедливо сочтено было бы непростительною дерзостію. — Не взирая на многотрудность и необъятную обширность сей матеріи, мы такъ богаты изслѣдованіями оной, что книгохранилища наши наполнены болѣе произведеніями *Руссовъ*, руководствующихъ своихъ *Емилей* на опасномъ пути воспитанія, нежели правилами какого либо другаго рода. —

Все было уже сказано, и все сказанное уже повторено. Но ежели по сему предмету повторены были истины, клонящіяся ко благу человѣчества; то для чего же ихъ не повторить еще, когда благо человѣчества есть единственный предметъ, въ которомъ должны сосредоточиваться всѣ усилія способ-

ностей нашихъ, и когда благо человѣчества есть единственное благо, достойное занимать желанія наши! щастливъ тотъ чье сердце не питаетъ другихъ желаній; стократно щастливѣе тотъ, кого щедрое небо одарило способностями совершить желанія сіи; и въ семъ то отношеніи, изъ безчисленнаго множества писавшихъ о воспитаніи и цѣли нашего ученія, рѣдкіе достигли истинной, можетъ быть предположенной ими, цѣли. —

Для достиженія оной, надлежало преодолѣть, безчисленныя преграды, и вознестись, такъ сказать, превыше самаго себя, а многотрудный подвигъ сей есть и долженъ быть дѣломъ необыкновеннаго Генія. Одни покорствуя застарѣлымъ предразсудкамъ, освященнымъ цѣлыми вѣками и народами, предлагали матерію сію въ ложномъ ея видѣ; другіе руководимы будучи болѣе малодушіемъ, нежели умомъ, и потому согласуясь болѣе съ духомъ Правительства, подъ которымъ они жили, и съ духомъ Религіи, которую исповѣдывали, нежели съ видами цѣлаго человѣчества, дѣлали въ семъ случаѣ свои изслѣдованія не выпуская изъ виду личной своей безопасности, а можетъ быть и корыстолюбивыхъ замысловъ. —

Одни, приступая къ толико важному предмету съ холоднымъ равнодушіемъ, изложили его сухо и недостаточно; другіе, приступая къ оному съ разгоряченнымъ энтузіазмомъ, сказали объ ономъ гораздо болѣе, нежели сколько сказать надлежало. Въ семъ предпріятіи не преткнулся одинъ тотъ, кто говоря о цѣли ученія нашего и воспитанія поставилъ ее въ познаніи природы и Творца, въ великой наукѣ повелѣвать собою, въ содѣланіи людей полезными гражданами общества, въ которое они соединились, и на-

конецъ въ доставленіи имъ честныхъ способовъ и путей къ возможному щастію, какого только человѣкъ на земли желать и какое получить можетъ. Кто совершилъ во всѣхъ отношеніяхъ сей по видимому легкій подвигъ, но въ существѣ своемъ многотруднѣйшій, тотъ все совершилъ; кто соединилъ во едино сіи четыре великія правила, тотъ получилъ неоспоримое право на безсмертіе свое, на благодарность сочеловѣковъ; тотъ, соединивъ неразрывнымъ узломъ человѣчество, соединилъ съ нимъ щастіе. Какая бы страна ни была его отечествомъ, благоговѣніе къ памяти его будетъ сопровождать его благословеніями, во всѣхъ странахъ свѣта, куда только духъ правилъ его достигнетъ хотя по слуху.

Естьли разсматривать будемъ науки изъ первоначальной ихъ точки, то онѣ покажутся намъ истиннымъ плодомъ любопытства человѣческаго; и ежели бы любопытство сіе не было основано на нуждахъ неразлучныхъ съ природою нашею, то величайшія усилія и успѣхи разума человѣческаго теряли бы въ глазахъ нашихъ настоящую свою цѣну. Удовлетвореніе природной нужды предполагаетъ уже пользу, которой мы по природѣ нашей искать должны. Верховное и премудрое существо, произведши насъ на свѣтъ, вложило въ насъ, такъ сказать, одно только зерно всѣхъ высокихъ познаній, до которыхъ разумъ нашъ по естеству своему вознестись можетъ, и сіе то зерно познаній нашихъ есть врожденное въ насъ любопытство. Благостроительная десница промысла, окруживъ цѣлое поприще жизненнаго нашего бытія безчисленными предметами и существами, болѣе или менѣе сопряженными съ нами, болѣе или менѣе подобными намъ, влила въ каждой сей предметъ, въ

каждое сїе существо, какую то магическую силу притяженїя, привлекающую къ себѣ наше любопытство, — и человѣкъ, отъ утробы матерней до дверей гроба, не перестаетъ быть ученикомъ окружающихъ его предметовъ.

Влекомый, то красотами природы, то величїемъ чудесъ ея, то потрясаемый ужасами ея необыкновенныхъ явленїй, онъ всегда видѣлъ себя на позорищѣ непостижимой божественной гармонїи, которая поражая стройностїю своею всѣ его чувства, неизъяснимою сладостїю упоевала все его бытїе; и ежели бы для одного сего упоенїя онъ пожертвовалъ цѣлымъ существованїемъ своимъ и всѣми своими способностями, изслѣдывая дѣйствїя и причины вещей, безъ соотношенїя ихъ къ чему либо гораздо высочайшему: то и тогда усилїя его награждены были бы довольно открытїемъ только того, что обворожало его чувства. Но среди сего чуднаго и восхитительнаго позорища онъ видитъ себя центромъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ почти дѣйствїя природы; онъ чувствуетъ себя душею той неизмѣняемой стройности, въ которой все вокругъ его движется и живетъ; онъ находитъ въ себѣ подобную же гармонїю непостижимыхъ чувствованїй, которая возноситъ его превыше всего того, что поражаетъ его чувствованїя; среди такого, говорю, позорища онъ чувствуетъ себя способнымъ вознестись превыше самаго себя, и отъ ощущаемыхъ предметовъ постепенно восходитъ къ тому, котораго ни какое чувство объять не можетъ, но къ которому чувства стремятся безпрестанно; къ тому, котораго душа и разумъ постигнуть не сильны, но котораго божественный и таинственный отпечатокъ глубоко напечатлѣнъ въ его

душѣ и разумѣ. Таковъ первый порывъ сердца человѣческаго при первомъ разсматриваніи величественнаго зрѣлища природы, окружающей его. Отсюда первыя смѣшенныя сужденія, отсюда мрачныя недоумѣнія, и иногда слишкомъ дерзновенныя, иногда слишкомъ слабыя, догадки умоизслѣдованія человѣческаго; отсюда наконецъ освященныя цѣлыми вѣками о природѣ вещей, о верховномъ виновникѣ оныхъ, самыя смѣшныя понятія, которыхъ оттѣнки остались неизглаженными даже въ новѣйшихъ народахъ, и которыхъ преданіе предковъ нашихъ сохранило намъ яко неизмѣняемый памятникъ слабости естества смертныхъ, и яко разительный образецъ того, что понятія наши улучшаются и усовершенствуются по мѣрѣ вѣрности соотношеній, которыя мы находимъ въ предметахъ между собою и между ними. Изъ сего слѣдуетъ, что одно правильное изслѣдованіе природы развиваетъ въ возможной степени совершенства врожденныя наши способности — понимать и мыслить. Понимать же правильно, мыслить здраво, и съ здравыми мыслями соображать дѣйствія наши, есть и должна быть единственная цѣль образованія нашего. Каждой въ порядкѣ вещей поставленный предметъ есть пробный камень, на которомъ испытывается постепенно нашъ разумъ, облеченный, такъ сказать, въ грубую оболочку всего земнаго. Чѣмъ чаще и чѣмъ продолжительнѣе испытаніе сіе повторяется, тѣмъ примѣтнѣе природная грубость его смягчается, и тѣмъ онъ самъ блистательнѣе становится до тѣхъ поръ, пока наконецъ отъ собственнаго его сіянія цѣлая вселенная представится ему въ видѣ безпредѣльнаго зерцала, въ которомъ онъ ничего не видитъ, кромѣ Бога, ни чего не чувствуетъ, кромѣ Бога, ни къ чему

не стремится, кромѣ къ Богу; и вотъ та верховная черта, на которой пареніе его останавливается. До сихъ поръ блуждалъ онъ по неизмѣримымъ областямъ мечтаній, сомнѣній и догадокъ; до сихъ поръ онъ наиболѣе разсуждая, кажется не мыслилъ ничего: но когда остановится на сей неподвижной точкѣ, тогда всѣ мечты его изчезаютъ, сомнѣнія оправдотворяются, и догадки дѣлаются законами. Однимъ словомъ, онъ познаетъ себя, познавъ Бога. —

Таковы плоды познанія природы!

Великія заблужденія, великихъ умовъ древности произошли наиболѣе отъ малаго вниманія къ сей истинѣ. Они старались познать Творца, не познавъ его твореній; или лучше сказать, они начали съ того, на чемъ долженствовали остановиться, и остановились на томъ, съ чего начать должны были: а отсюда, сколько нелѣпостей въ мнѣніяхъ о произхожденіи міра и его устройствѣ! сколько постыдныхъ сужденій о верховномъ существѣ и его промыслѣ! сколько противуположностей въ опредѣленіи добра, и обязанностей человѣка! Не взирая на все сіе, вездѣ, гдѣ только напряженіе ума человѣческаго было воскрыляемо рвеніемъ познать истину, а не суемудріемъ, и ложнымъ самолюбіемъ — привлечь на свою сторону болѣе послѣдователей, гдѣ любовь къ человѣчеству разумъ въ его изслѣдованіяхъ руководствовала, тамъ самыя заблужденія оттѣнялись благотворными дѣйствіями на тѣхъ, которые въ непорочности своихъ намѣреній самыя заблужденія сіи боготворили. Такъ! — человѣкъ по слабости природы своей можетъ ошибиться въ выборѣ путей къ истинному благу; но ежели сердце его не дышетъ лукавствомъ, ежели оно совращается съ путей

сихъ, не переставая любить желаемое добро; то благополучїе всегда будетъ его удѣломъ, по крайней мѣрѣ благополучїе сїе будетъ всегда превыше того, какое предполагаютъ себѣ умы обдуманно заблуждающїе. —

Разгоряченное воображенїе мечтательнаго Поета блуждаетъ по неизмѣримымъ областямъ мнимыхъ мїровъ; одни извлекаетъ изъ хаоса, другїе обращаетъ въ ничтожество, строитъ безчисленныя сферы, созидаетъ наконецъ величественный храмъ, населенный тысячью божествъ, — и слѣпотствующая чернь воздвигаетъ олтари, закалаетъ безчисленныя жертвы невѣдомымъ Божествамъ: — раздается гласъ: „Смертные! для благополучїя вашего, чтите Боговъ!„ — и милїоны народовъ дѣлаются благополучными, соединяются въ общества, составляютъ законы, покаряются имъ, и улучшая способности свои, улучшаютъ въ себѣ достоинство человѣка.

Таковою себя показала древняя Грецїя, болѣе нежели какой либо другой народъ въ свѣтѣ. Грецїя заблуждалась въ истинномъ познанїи Премудраго строителя всѣхъ вещей; но Грецїя почтенїе къ Богамъ ставила первымъ правиломъ воспитанїя гражданъ, и изъ нѣдръ ея возникли Солоны—творцы мудрыхъ законовъ; Сократы — наставники человѣчества и страдальцы за истину, Аристиды—обожатели неблагодарнаго своего отечества, Леониды — запечатлѣвшїе кровїю любовь свою къ согражданамъ, и тысячи подобныхъ имъ, изъ которыхъ каждый можетъ составить славу цѣлыхъ столѣтїй. —

Ежели же древнїе, при самомъ ложномъ понятїи о цѣли, къ которой они устремляя умъ и сердце свое успѣли образовать великихъ героевъ и мудре-

цовъ, составляющихъ удивленіе позднѣйшихъ потомковъ, то какихъ спасительныхъ дѣйствій не произведетъ познаніе истинной цѣли, къ которой люди руководствуются уже чрезъ многіе вѣки! . . . Полвселенной озаряется лучами истиннаго богопознанія, полвселенной гордится великолѣпными святилищами, воздвигнутыми въ честь наукъ: отъ чего же ходъ прочнаго просвѣщенія движется столь медленно? отъ чего зданіе благополучія человѣческаго основывается на столь зыбкихъ подпорахъ, что разрушеніе онаго часто зависитъ отъ стеченія самыхъ маловажныхъ обстоятельствъ? отъ того, что люди къ величайшему своему злополучію, часто изъ самыхъ истинныхъ заключеній извлекаютъ ложныя правила. Познаніе Божества предполагаетъ уже познаніе самаго себя, то есть познаніе обязанностей, которыми человѣкъ руководствоваться долженъ въ отношеніи къ Богу и къ подобнымъ себѣ. Познаніе таковыхъ обязанностей — есть уже опредѣленіе добродѣтели, къ которой онъ стремится, и порока, котораго онъ всячески убѣгать долженъ. Ежели бы люди познавъ Бога познали вмѣстѣ, что ихъ собственное благополучіе, снисканное благими путями, есть одна изъ пріятнѣйшихъ жертвъ, которою благоугождается Богъ: тогда тысячи противурѣчій въ мнѣніяхъ о добрѣ и злѣ изчезли бы безвозвратно; раздоръ — сей тяжкій бичь тяготѣющій отъ вѣка надъ человѣчествомъ—сокрушился бы на вѣки, и единственная добродѣтель непротивящаяся никакимъ странамъ, никакому климату, никакому образу жизни и степени просвѣщенія, единственная, говорю, добродѣтель тогда состояла бы въ неизмѣняемомъ законѣ, — „*споспѣшествовать общему благу всѣми*

способностями души и тѣла во славу Создателя; Какой законъ! какое понятїе о Богѣ! какая чудная картина благополучїя человѣческаго!.... Тогда одинъ истинный чтитель Бога былъ бы чтителемъ щастїя своихъ согражданъ, и одинъ истинный гражданинъ почитался бы чтителемъ Бога. Тогда героическїя добродѣтели любви къ отечеству, поражающїя насъ необычайнымъ и рѣдкимъ своимъ явленїемъ, содѣлались бы обыкновенными, и каждому семейству, такъ сказать, наслѣдственными. Какое благо! какая высокая цѣль предназначенїя человѣческаго — и къ сей то цѣли всѣ науки и способы нашего воспитанїя устремляться должны. — Блаженна страна, въ коей прежде всѣхъ усмотрѣли великую цѣль сїю; Благословенна десница Законодателя, начертавшая пути къ оной! Благоденствїе и щастїе милїоновъ послужатъ ему вѣрнымъ залогомъ его безсмертїя и благодарности отдаленнѣйшаго потомства!

II. Историческій взглядъ на Россію отъ основанія Монархіи до порабощенія ея Татарами, --- съ 862 по 1240й годъ.

Студента Склабовскаго.

Политическое состояніе Славянъ, въ глубокой отдаленности временъ населявшихъ нынѣшнюю Европейскую Россію, покрыто почти непроницаемымъ мракомъ. Ни одна изъ древнихъ лѣтописей не объясняетъ намъ удовлетворительно, какое точно было правленіе Славянскаго народа прежде прибытія Рюрика въ Сѣверную Россію — къ Новгородцамъ. Можетъ быть у первобытныхъ Славянъ, какъ и у первобытныхъ Грековъ и Римлянъ, были свои Цари или Князья; можетъ быть при Дворахъ Князей сихъ, какъ нѣкогда при дворѣ Улисса, простые пастухи были въ тожъ время и первыми Совѣтниками ихъ въ дѣлахъ Государственныхъ; можетъ быть. . . Но все это будутъ одни предположенія, одни вѣроятныя только догадки, которыя всегда останутся предположеніями, догадками. Извѣстно впрочемъ, что Кіевляне прежде еще Оскольда и Дира имѣли своихъ Князей. Что же касается до Новгородскихъ Славянъ, то правдоподобнѣе, что у нихъ правленіе до призванія Рюрика было республиканское; — и сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣйшимъ покажется, чѣмъ болѣе вникнемъ въ характеръ, духъ независимости, гордости и

своевольства, который въ продолженіи потомъ нѣсколькихъ вѣковъ всегда отличалъ Новгородцевъ. Но кто таковъ былъ у нихъ Гостомыслъ? не одинъ ли это изъ пресѣкшагося, можетъ быть, поколенія прежде обладавшихъ ими Князей, или простой, но добрый, благоразумный, дальновидный и храбрый гражданинъ? . . Это до селѣ остается неизвѣстностію, ни какой впрочемъ особенной важности въ себѣ не заключающею. И такъ оставя безполезный трудъ объяснять сокрытое отъ насъ во мракѣ отдаленныхъ, давно минувшихъ, вѣковъ, займемся краткимъ обозрѣніемъ того, что случилось достопамятнаго въ Отечествѣ нашемъ отъ вступленія на Велико-княжескій Престолъ Рюрика до утвержденія Татарской власти надъ Россіею.

Правленіе Рюрика съ начала было безпокойно, по причинѣ происходившихъ безпорядковъ, открывшагося ропота и своевольства въ народѣ, который непривыкъ повиноваться единой Самодержавной власти. — Что бы утишить бурю внутреннихъ возмущеній, прекратить раздоры и несогласія, возстановить тишину, и оградить безопасностію всѣхъ и каждаго изъ подданныхъ своихъ, Рюрикъ принужденъ былъ употребить мѣры строгія, но необходимыя; народъ еще сильнѣе возропталъ. Нѣкто *Вадимъ*, молодой, отважной республиканецъ начальствуетъ возмутителями. Но Вадимъ казненъ — и бунтъ потухъ. Страхъ подобной казни и строгость В. Князя охладила нѣсколько въ гордыхъ душахъ страсть къ независимости, — и благоразумный Рюрикъ до смерти своей царствовалъ потомъ спокойно. Но преемникъ его Олегъ, для своей и юнаго Князя Игоря безопасности, за лучшее призналъ удалить-

ся отъ буйныхъ, всегда готовыхъ къ возмущенію Новгородцевъ. Онъ отправился съ малымъ числомъ приверженныхъ къ нему на Югъ; взялъ Смоленскъ; потомъ поплылъ въ низъ по Днѣпру — и знаменитый, даже пышный по тогдашнему времени, Кіевъ сдѣлался его Столицею. Утвердившись въ ономъ побѣдами и завоеваніемъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ независимыхъ племенъ, Князь сей съ небольшимъ войскомъ на малыхъ судахъ вошелъ Днѣпромъ въ открытое море, миновалъ устье Дуная, прибылъ къ стѣнамъ Константинополя, привелъ въ трепетъ кичливыхъ и слабыхъ Грековъ, прибилъ къ вратамъ гордой Столицы ихъ свой Геройской щитъ, заключилъ къ чести своей и ко благу подданныхъ выгодный съ Императоромъ миръ, и со славою и богатою добычею возвратился въ Кіевъ. 32хъ лѣтнее царствованіе Олега примѣчательно по спокойствію и благосостоянію, коимъ наслаждалась тогда Россія; поелику онъ сколько былъ храбръ и неустрашимъ на войнѣ, столько же благоразуменъ и искусенъ во внутреннемъ управленіи Государства въ мирное время. Но безчеловѣчный, по однимъ только развѣ тогдашнимъ грубымъ нравамъ и невѣжеству нѣсколько извинительный, поступокъ его съ Оскольдомъ и Диромъ, Князьями Кіева, есть черное пятно для славы его — есть самая неприятная, ни чѣмъ неизгладимая черта на страницѣ Исторіи его царствованія. Обстоятельство смерти Олега, какъ несбыточная и суевѣрная сказка, не заслуживаетъ нашего вниманія; походъ его къ стѣнамъ Константинополя на морскихъ судахъ по сухому пути есть также, кажется, выдумка.

Царствованіе Игоря ничего особеннаго любопытству нашему не представляетъ. Возмущеніе противъ него Древлянъ, отказавшихся платить дань, наложенную на нихъ еще Олегомъ; неудачный походъ его въ Грецію, въ продолженіе котораго почти весь флотъ его и войско были истреблены; не совсѣмъ выгодной договоръ съ Греками, коимъ онъ обязался защищать своимъ войскомъ Корсунь, полуостровъ Таврическій — принадлежавшій Грекамъ, отъ всѣхъ внѣшнихъ неприятелей Греціи, подаютъ намъ довольную, по видимому, причину думать, что онъ былъ во всемъ гораздо слабѣе своего предшественника и Опекуна. Корыстолюбіе прекратило преждевременно жизнь его; несправедливости и притѣсненія, безразсудное требованіе двойной подати рѣшило Древлянъ избавиться *волка, привыкшаго ходить въ стадо ихъ за добычею.* Онъ убіенъ подъ Коростенемъ.

Великая Княгиня Ольга, по кроткому и мудрому правленію и неусыпному попеченію о благѣ подвластнаго малолѣтному сыну ея Святославу народа, заслуживаетъ стоять на ряду съ лучшими государями тогдашнихъ временъ. Мщеніе, Древлянамъ ею учиненное, если только оно не вымышленное, и среди всеобщаго невѣжества показываетъ остроту изобрѣтательнаго ума ея; но со стороны человѣколюбія и великодушія, столь свойственныхъ особамъ ея пола и достоинства, не дѣлаетъ ей никакой чести. Она первая изъ владѣтельныхъ Особъ нашего отечества приняла Христіанскую вѣру, и остатокъ жизни своей украсила истинно-Христіанскими добродѣтелями.

Храбрый Святославъ, — честь героевъ своего времени — Святославъ, коего одно имя пробуждаетъ

въ душѣ Россіянина какое-то тайное высокое чувство удивленія и благородной гордости, есть примѣръ трезвой, умѣренной жизни, примѣръ неустрашимости, благоразумной отважности, великодушія — добродѣтелей, составляющихъ характеръ героя. Съ самой нѣжной юности онъ былъ во всѣхъ походахъ съ полководцемъ своимъ Свенельдомъ, и съ удивительнымъ терпѣніемъ переносилъ всѣ труды суровой, военной жизни. Принявши начальство надъ войсками, онъ въ образѣ жизни своей ни чѣмъ не отличался отъ простаго воина: таже пища, таже одежда, тѣже труды и опасности. Хищные сосѣди, всегда имъ поражаемые, одного имени его трепетали, — невольной ужасъ обнималъ ихъ звѣрскія души, и прежде сраженія обращалъ ихъ въ бѣгство. Слава дѣлъ героя сего скоро достигла Константинополя — и Императоръ Ник. Ѳока чрезъ пословъ своихъ просилъ его смирить непокорныхъ Болгаръ Дунайскихъ. Прелестное мѣстоположеніе, изобиліе страны Болгарской, и многія другія выгоды возродили въ душѣ Святослава желаніе удержать за собою богатую страну сію; а блестящіе успѣхи оружія увлекли его еще далѣе: онъ намѣревался и самаго Императора свергнуть съ престола. Но Императоромъ былъ тогда Іоаннъ Цимисхій, могшій сопротивляться Святославу. Превосходство силъ Цимисхія, — вѣроломство союзниковъ и сосѣдей Святослава, и удаленіе его отъ своего отечества, сдѣлались бѣдственными для нашего героя; но и самое бѣдствіе возвеличило его славу, и чело храбраго украсило вѣнцомъ безсмертія. Кто не ощутитъ въ душѣ своей удивленія и радости, смѣшанной съ какимъ-то неизъяснимымъ ужасомъ, представляя Святослава, ко-

гда онъ, утѣсняемый извнѣ страшнымъ, многочисленнымъ непріятелемъ, угрожавшимъ ему съ сухаго пути и съ моря: а *внутри* еще ужаснѣйшимъ врагомъ — гладомъ, — въ самую мрачную и бурную ночь, при ослѣпительномъ блескѣ молній, при страшномъ ревѣ и трескѣ громовъ, при очевиднѣйшей опасности — съ горстію воиновъ, безмолвно, съ надеждою и отвагою въ груди, выступаетъ изъ осажденнаго города Доростоля, плыветъ на малыхъ судахъ по Дунаю, на каждомъ шагу встрѣчаетъ и разсыпаетъ толпы непріятелей, и отягченный богатою добычею и свѣжими лаврами возвращается въ Доростоль?.. Кто съ перваго раза не сочтетъ дерзостію благоразумную рѣшимость Святослава еще сразиться съ неприятелемъ въ 20 кратъ его сильнѣйшимъ, и — или побѣдить, или всѣмъ умереть со славою?... Великій Петръ! ты при Прутѣ окруженъ былъ подобными опасностями... Благоговѣю предъ твоимъ именемъ и дѣлами! но немогу дѣла Прутскаго сравнить съ Доростольскимъ. Можетъ быть оное было бы и славнѣе сего; но судьба въ образѣ супруги твоей извела тебя изъ опасности безъ сраженія — безъ всякаго кровопролитія; а Святославъ одною храбростію, одною крѣпкою грудью Рускою принудилъ Цимисхія смириться, и открылъ себѣ свободный путь въ отечество! — Зная благородную гордость и честолюбіе Святослава, можно было на вѣрное ожидать, что онъ не проминулъ бы вторичнымъ походомъ противъ Цимисхія сгладить пятно съ славы своей и храбраго своего народа, послѣднимъ походомъ, по мнѣнію его, помраченной; но ранняя и несчастная кончина его Великаго Князя оставила для любопытства нашего однѣ только догадки, однѣ мечты . , . . Смерть

Святослава есть смерть героя — онъ палъ съ мечемъ въ рукѣ . . . и черепъ великаго, окованный златомъ, превратился въ рукахъ робкихъ, всегда презираемыхъ имъ, Князей Печенежскихъ въ торжественную чашу! . . . Такъ мощный рокъ играетъ иногда великими! Исторія жизни Святославовой, съ глубокимъ уныніемъ погашая пламенникъ свой надъ прахомъ его, никогда непрестанетъ проклинать вѣроломства малодушнаго злодѣя Куря, лишившаго ее удовольствія еще, можетъ быть, нѣсколько великихъ дѣлъ знаменитаго героя сумрачныхъ вѣковъ Россіи освѣтить для потомства.

Главнѣйшая въ правленіи Святослава ошибка была — раздѣлъ владѣнія между дѣтьми его, источникъ междоусобій, кровопролитій, братоубійствъ, и всѣхъ ужаснѣйшихъ несчастій, въ продолженіе многихъ столѣтій терзавшихъ Россію! Ярополкъ, старшій сынъ его, первый поднялъ братоубійственную руку свою на невиннаго Олега. Совѣты коварнаго Свенельда и поздное раскаяніе Князя при видѣ окровавленнаго трупа брата своего, не могутъ извинить его проступка. Владиміръ, Великій Владиміръ отмстилъ братоубійство новымъ братоубійствомъ, еще менѣе извинительнымъ! Подъ видомъ примиренія онъ чрезъ коварнаго совѣтника и любимца Ярополкова Блуда приглашаетъ брата въ лагерь свой. Великій Князь ничего не подозрѣвая, съ довѣренностію приближается къ ставкѣ Владиміровой, но при самомъ входѣ въ оную скрытные, смертоносные кинжалы убійцъ пронзаютъ сердце его. . . Блудъ чрезъ три дня казненъ — новая несправедливость вторичное нарушеніе Царскаго слова; хотя казнь злодѣя — измѣнника — казалась и благовидною, но кто склонилъ

его къ произведенію сего ужаснаго злодѣянія, если не самъ же Владиміръ? — По вступленіи на Великокняжескій престолъ Владиміръ спѣшилъ загладить поступокъ свой — набожностію, сооруженіемъ капищъ, изваяніемъ идоловъ; и смыть съ себя дымящуюся кровь брата — приношеніемъ Перуну и другимъ кумирамъ тучныхъ жертвъ, между коими не рѣдко лилась и самая кровь человѣческая! . . . Поступокъ обыкновенный у всѣхъ идолопоклонствующихъ, во мракѣ невѣжества погруженныхъ народовъ, но при всемъ томъ ужасный!

Вообще царствованіе Владиміра до принятія вѣры Христіанской представляетъ намъ одного только честолюбиваго и нерѣдко жестокаго завоевателя и невоздержнаго сластолюбца. Но вотъ слѣдуетъ важная, славнѣйшая для Россіи эпоха — просвѣщеніе ума и сердца Св. Крещеніемъ! Умолчу о всѣхъ подробностяхъ къ сему величественному, богоугодному, спасительному для человѣчества дѣлу относящихся; поелику оныя всякому любящему свое Отечество, и слѣдовательно отечественную Исторію, совершенно извѣстны, а потому не сообразны и съ цѣлію мною предположенною—представить въ самыхъ тонкихъ оттѣнкахъ главныя черты нашей Исторіи, избѣгая, сколько возможно, всѣхъ подробностей болѣе утомительныхъ, нежели полезныхъ. — Должно отдать честь уму и разборчивости Владиміра, что онъ изъ всѣхъ, предлагаемыхъ ему, вѣроисповѣданій призналъ лучшимъ и принялъ Греческое. Изящныя правила чистѣйшей и святѣйшей нравственности Евангельской, преподанныя ему супругою, Греческою Царевною Анною, и Митрополитомъ Михаиломъ, совершенно переродили его. Бурная страсть къ завоева-

ніямъ превратилась въ тихое, спасительное желаніе защищать предѣлы Государства своего отъ внѣшнихъ неприятелей, и содѣлать народъ свой, сколь можно, счастливымъ. Кротость и благость, которыя выходили даже иногда изъ границъ, были отличительною чертою послѣднихъ лѣтъ его царствованія. Науки и художества, при всей ограниченности средствъ и слабости свѣта своего, оказали благотворное дѣйствіе надъ умами и сердцами Россіянъ; и Владиміръ столько старался о распространеніи и усовершенствованіи просвѣщенія, какъ единственнаго средства содѣлать подданныхъ своихъ счастливыми, что, для приобрѣтенія нужныхъ познаній, умнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ изъ Бояръ своихъ отправилъ въ Римъ, Вавилонъ, Іерусалимъ и Египетъ, гдѣ во время совершеннаго невѣжества Европы блистали еще нѣкоторые лучи просвѣщенія. Неизвѣстно, какое слѣдствіе было сего путешествія; но по тогдашнему времени и одно уже намѣреніе сіе дѣлаетъ Владиміра безсмертнымъ, и заслуживаетъ полную благодарность признательныхъ Россіянъ. Удивительно впрочемъ, какъ собственный примѣръ не научилъ благоразумнаго Владиміра предъотвратить ужаснѣйшаго зла — междоусобія отъ раздѣла проистекающаго! Симъ бѣдственнымъ раздѣломъ владѣній своихъ на 12 частей онъ издалека проложилъ кровавую стезю жестокосердымъ варварамъ къ тяжкому порабощенію отечества нашего. Онъ безъ сомнѣнія излишне надѣялся на власть и силу вѣры Христіанской; но что вѣра въ умѣ недовольно еще просвѣщенномъ, и въ сердцѣ обуреваемомъ буйными, свирѣпыми страстями? — одно почти съ безвѣріемъ, или изувѣрствомъ!

Святополкъ, ненавидимый современниками и проклинаемый потомствомъ, является въ Исторіи какъ бы мрачное, ужаснѣйшее чудовище — окруженный убійцами, исполнителями адской воли его, обрызганный дымящеюся кровію трехъ братьевъ, и держащій въ рукахъ сверкающіе кинжалы, изощренные на пораженіе еще живущихъ. Но кровь братняя, обагрявшая берега Альты, Днѣпра и подошву горъ Угорскихъ, возопила на небо; явился отъ Сѣвера Ангелъ — мститель, посланный раздраженнымъ Божествомъ, — Ярославъ, юный Князь Новгородскій; который двукратнымъ пораженіемъ на берегахъ Днѣпра и Альты, совершенно разбивъ Святополка, обратилъ его въ бѣгство, въ продолженіе коего извергъ сей мучимый страхомъ преслѣдованія и угрызеніемъ совѣсти, изчезъ въ пустыняхъ между Польшею и Богеміею.

Послѣ столь ужаснаго, кроваваго произшествія утѣшительно для сердца человѣческаго, встрѣтиться на славномъ и опасномъ поприщѣ царствованія съ Государемъ, котораго всѣ мысли и желанія устремлены къ единому предмету, къ единой высокой благородной цѣли — ко благу подданныхъ. Распространеніе Христіанскаго просвѣщенія, образованіе ума и сердца, очищеніе вкуса *науками* и *художествами*, огражденіе и утвержденіе въ безопасномъ владѣніи собственностію каждаго и опредѣлительное назначеніе государственныхъ податей и сборовъ *законами*, были главнѣйшимъ занятіемъ и попеченіемъ Ярослава во все время царствованія его на Велико-княжескомъ престолѣ. Изданіе исправленной Руской Правды, которая вѣроятно издавна существовала у Славянъ, и вновь другихъ еще нѣко-

торыхъ узаконенїй, до гражданскаго и церковнаго судопроизводства относящихся, переписка и переводы книгъ Греческихъ, заведенїе въ Новгородѣ училища, постановленїе во Священники людей знающихъ, съ назначенїемъ учить прихожанъ Закону Божїю и съ опредѣленїемъ за сїе имъ жалованья — все это въ длинномъ ряду Государей отъ Рюрика и до Великаго Іоанна дѣлаетъ Ярослава величайшимъ государемъ протекшихъ столѣтїй, кровавыми чертами означенныхъ въ нашей Древней Исторїи. Но и онъ не избѣгъ междоусобїя, будучи уже Великимъ Княземъ. Честолюбивый Мстиславъ, Князь Тмутараканскїй, съ грознымъ ополченїемъ своимъ, какъ страшная буря, поднялся отъ Юговостока и, по кровопролитномъ сраженїи побѣдивши Ярослава раздѣлилъ съ нимъ Россїю. Зло сїе однакожъ въ послѣдствїи сдѣлалось не безполезнымъ: два брата соединенными силами возстали на Литву и Польшу, отмстили Болеславу за причиненныя Россїи во время Святополка раззоренїя, возвратили всѣ еще при великомъ Владимїрѣ принадлежавшїе ей города и области, и съ успѣхомъ отражали нападенїя всѣхъ внѣшнихъ неприятелей.

По смерти Мстислава Ярославъ остался единымъ обладателемъ всей почти Россїи; но пагубное обыкновенїе давать удѣлы дѣтямъ своимъ столь уже укоренилось, что ни бѣдствїя предшественниковъ, ни свои собственныя, не сильны были удержать Князей отъ сего зловреднаго поступка. Ярославъ раздѣлилъ области свои на 5 удѣловъ; преемники его, и даже удѣльныя Князья, тоже дѣлали въ своихъ владѣнїяхъ; такъ что въ послѣдующее время каждой почти, самой небольшой, городокъ имѣлъ своего ни

отъ кого независимаго, Князя, что и продолжалось до самыхъ временъ Іоанновыхъ. — Ярославъ при всѣхъ талантахъ ума и сердца его не можетъ избавиться упрековъ строгаго наблюдателя, безпристрастнаго Историка — Критика. Чѣмъ оправдать можно коварное умерщвленіе великаго числа знатныхъ Новгородцевъ въ загородномъ домѣ *Рокома*, куда онъ подъ видомъ совѣтованія съ ними о важныхъ, государственныхъ дѣлахъ пригласилъ ихъ? и что сказать о непокорности и возстаніи его противъ отца своего, великаго Владиміра? Правда, на первое подвигли Князя сами Новгородцы избіеніемъ наглыхъ грабителей Варяговъ, призванныхъ Ярославомъ для вооруженія противъ Владиміра; но таковое мщеніе достойно ли владѣтельнаго Князя? предпріятіежъ итти съ мечемъ въ рукѣ на отца своего — нарушаетъ всѣ законы Божескія и человѣческія, ужасаетъ самую природу. Впрочемъ намѣреніе сіе, по причинѣ воспослѣдовавшей въ тожъ время смерти Владиміра, осталось безъ исполненія, и праотцы наши не имѣли несчастія быть свидѣтелями ужаснаго произшествія, каковое зрѣли въ свое время обитатели Франціи 1.), Ан-

1.) Лудовикъ кроткій, Король Французскій, преемникъ Карла Великаго, царствовавшій въ первой половинѣ 9 го столѣтія, былъ низверженъ съ престола возмутившимися противъ него дѣтьми Лотаріемъ, Пепиномъ и Лудовикомъ Германскимъ, и заключенъ въ Монастырѣ Меларда Суассонскаго, гдѣ сильнымъ, могущественнымъ въ то время, Духовенствомъ совершенъ надъ нимъ бѣдственный обрядъ Покаянія. Отсюда безчеловѣчный Лотарій, гонимый возставшими противъ него братьями, повлекъ отца своего въ Ахенъ, какъ плѣнника, потомъ обратно въ Парижъ и будучи принужденъ спасаться бѣгствомъ,

глiи 2), Германiи 3) и другихъ государствъ, не говорю уже о народахъ, населяющихъ Азiю и Африку. Царствованiе Ярослава на Велико-Княжескомъ Престолѣ составляетъ самую блистательную эпоху въ нашей Древней Исторiи въ отношенiи къ просвѣщенiю и благосостоянiю Россiи, и уваженiю, какое оказывали ей тогда всѣ извѣстныя Европейскiя Державы.

Изьяславъ при кротости, незлобiи, любви къ братьямъ и подданнымъ своимъ былъ слабъ для управленiя Государствомъ и содержанiя Удѣльныхъ Князей въ границахъ повиновенiя къ себѣ, а потому и во всю жизнь свою несчастливъ. Онъ царствовалъ въ одно время съ Генрихомъ IV Императоромъ Гер-

---

оставилъ его въ Сен-Денн . . . Основ. Всеобщ. Ист. Милота, Томъ V. стр. 198—203.

2.) Противъ Англинскаго Короля Вильгельма завоевателя, царствовавшаго въ послѣдней половинѣ 11го столѣтiя, возсталъ одинъ изъ сыновъ его Робертъ. Въ пылу междоусобной битвы они, не узнавши другъ друга подъ шишаками, сразились: раненный рукою сына Король упалъ съ лошади! . . Робертъ умѣлъ потомъ преклонить отца своего на милость и получилъ прощенiе. . . Тамже стр. 405.

3) Генрихъ IV, столько извѣстный въ Исторiи по претерпѣннымъ отъ Папъ гоненiямъ Императоръ Германскiй, былъ сыномъ своимъ Генрихомъ V лишенъ престола, и посаженъ въ темницу; бѣжавши изъ оной онъ набралъ войско, но былъ совершенно разбитъ - и въ крайней бѣдности своей — (ему даже отказано было въ прозьбѣ: исправлять должность Дьячка, или чтеца для полученiя дневнаго пропитанiя! . . .) умеръ въ Литтихѣ въ 1106 году. Извергъ не престалъ гнать отца своего и въ самомъ гробѣ. . . По повелѣнiю Папы Пасхалiя II, онъ приказалъ отрыть священный прахъ несчастнаго Императора и оставить безъ погребенiя! ! . . И. Милота. Томъ VI. стр. 20—21.

манскимъ, у котораго, будучи нѣсколько разъ лишаемъ Кіевскаго престола возмутившимися противъ него братьями, искалъ защиты и помощи, и притомъ въ то самое время, когда несчастный Генрихъ самъ отлученъ былъ отъ Церкви и сверженъ съ престола грозною Папскою Буллою. Безпрестанныя нападенія внѣшнихъ неприятелей и раззореніе Областей, внутреннія смятенія и междоусобія Удѣльныхъ Князей, и появленіе обманщиковъ — суевѣровъ впрочемъ смѣшныхъ, но не менѣе вредныхъ для народа — суть отличительныя черты періодическаго царствованія Изъяславова. Онъ собою показалъ, что добродѣтельный, по чувствамъ сердца своего невинный, незлобивый, лучшій изъ людей можетъ быть весьма худымъ, для блага подданныхъ своихъ, Государемъ. Добродѣтели, достаточныя для простаго гражданина, не могутъ замѣнить добродѣтелей нужныхъ для обладателя престола — правителя народовъ. Въ низкой долѣ и въ посредственномъ состояніи Изъяславъ могъ бы быть счастливымъ; Велико-Княжеское достоинство содѣлалось для него источникомъ великихъ несчастій.

Всеволодово царствованіе хотя и спокойно было въ отношеніи къ престолу; но междоусобій кровопролитныхъ и почти непрерывныхъ несравненно болѣе встрѣчаемъ при немъ, нежели при Изъяславѣ,— и если бы сынъ его Владиміръ II не оградилъ отцовскаго престола своимъ мужествомъ, благоразуміемъ и праводушіемъ; то Всеволодъ едвали бы избѣгъ участи предшественника своего. Къ довершенію бѣдствій, терзавшихъ Россію, появилась моровая язва, которая въ нѣсколько дней въ одномъ Кіевѣ пожрала около 8000 жертвъ. Не смотря на все сіе, про-

свѣщенїе у насъ, при неусыпномъ попеченїи Митрополита Іоанна и Епископа Ефрема, по видимому, болѣе и болѣе распространялось. Открылось училище для молодыхъ дѣвицъ подъ непосредственнымъ надзоромъ Велико-княжеской дочери Анны, постригшейся въ Монахини. Въ сїе же время жилъ и писалъ Россїйскую Исторїю славный лѣтописецъ нашъ пр. *Несторъ*. Онъ родился въ третїй годъ Княженїя Изьяслава II.

Святополкъ II по душевнымъ качествамъ былъ Государь слабый, ни одной почти изъ добродѣтелей, Государю свойственныхъ, не имѣвшїй, — честолюбивъ, и столько же гордъ и надмѣненъ въ щастїи, сколько малодушенъ и низокъ въ бѣдствїи. — Заключенїемъ въ темницу Пословъ Половецкихъ, прибывшихъ къ нему съ благодатною вѣтвїю мира, нарушилъ онъ народныя права, и тѣмъ подвергъ Россїю ужаснымъ раззоренїямъ и опустошенїю со стороны раздраженныхъ варваровъ; коварный, безчеловѣчный поступокъ его съ Василькомъ Ростиславичемъ еще болѣе обнаруживаетъ жестокой его характеръ. Приписывать ослѣпленїе Василька одному Давиду, или коварнымъ совѣтамъ его, было бы, кажется, несправедливо; потому что Великїй Князь давши слово Владимїру и Святославичамъ принудить Давида оружїемъ къ освобожденїю изъ темницы злополучнаго Василька, не хотѣлъ исполнить онаго, и потомъ поклявшись предъ Крестомъ Спасителя въ дружественномъ разположенїи своемъ и чувствованїяхъ къ Васильку, онъ въ тожъ самое время нечаянно напалъ на него съ войскомъ; все это подозрительно. Впрочемъ его царствованїе примѣчательно по съѣздамъ Князей Россїйскихъ, — гдѣ совѣтовались о мѣ-

рахъ внутренняго примиренія и внѣшняго отраженія враговъ, — и по знаменитымъ побѣдамъ, одержаннымъ соединенными силами Князей надъ Половцами. Но вся честь, вся слава дѣлъ сихъ принадлежатъ единственно Владиміру II. Онъ былъ душею Княжескихъ съѣздовъ, и войско въ его только присутствіи, одушевляемое его храбростію, неустрашимостію и пламенною любовію къ Религіи и отечеству, могло одержать столь знаменитыя побѣды, и увѣнчать себя лаврами неувядаемыми. — Вступивши на престолъ Великаго-кляженія онъ еще большее оказалъ великодушіе, безкорыстіе и правосудіе, а особливо при изгнаніи Жидовъ изъ Россіи въ царствованіе жаднаго, сребролюбиваго, Святополка всю промышленность и все богатство Отечества нашего въ свои руки захватившихъ. Имъ повелѣно было выйти изъ Россійскихъ предѣловъ со всѣмъ имуществомъ ихъ всѣми непозволенными способами у насъ награбленнымъ. Какая величественная, блестящая черта безкорыстія и праводушія, какая слава для Рускаго народа и Князей его! и иностранцы называютъ праотцевъ нашихъ варварами! . . Какоежъ приличное названіе должны мы дать Фердинанду и Изабеллѣ Испанскимъ, коихъ дарованія и глубокую политику толико прославляютъ Историки? что должны сказать объ нихъ, представляя себѣ болѣе 30 тысячь семействъ безчеловѣчно ограбленныхъ и выгнанныхъ Правительствомъ изъ предѣловъ Испанскихъ, подъ опасеніемъ смертной казни брать съ собою золото, серебро и всякія драгоцѣнности, имъ принадлежавшія? . . и въ какое же время? — спустя около 4хъ вѣковъ отъ изгнанія ихъ изъ Россіи въ 1492 году.

Владимїръ II благоразумїемъ и мужествомъ своимъ поддержалъ славу и силы толико уже ослабленной междоусобїями Россїи; но не истребилъ смертоноснаго яда, таившагося въ самомъ сердцѣ ея — не возвратилъ ей единодержавїя. Удѣлы были столь многочисленны и обширны, и удѣльные Князья столь сильны, что всѣ труды его объ упраздненїи оныхъ остались бы тщетными, и кромѣ кровопролитїя ни чего бы не произвели. Слава сего великаго предпрїятїя и счастливаго исполненїя предоставлена судьбою Великому и грозному Іоаннамъ.

Послѣ Владимїра Мономаха и достойнаго сына его Мстислава великаго, одареннаго всѣми отцовскими добродѣтелями, Великое Княженїе Кїевское примѣтно ослабѣвало и, чрезъ отторгаемыя отъ него области и города удѣльными Князьями, постепенно уменьшалось, такъ что въ короткое время Великїе Князья оставались уже съ однимъ только, лестнымъ для безразсуднаго честолюбїя ихъ, Велико-Княжескимъ титломъ безъ областей, безъ доходовъ. Въ продолженїе цѣлаго столѣтїя взоръ нашъ не встрѣчаетъ на колеблющемся престолѣ Кїевскомъ ни одного великаго владѣтеля, который бы важностїю своей особы, своимъ мужествомъ и талантами могъ внушить удѣльнымъ Князьямъ къ себѣ, какъ къ Великому Князю, почтенїе и повиновенїе, и удержать ихъ отъ хищничества и междоусобїй. Исторїя сихъ мрачныхъ временъ представляетъ намъ длинную цѣпь дѣйствїй и произшествїй, столько одно съ другимъ смѣшанныхъ, запутанныхъ и притомъ маловажныхъ, что самый терпѣливѣйшїй Историкъ могъ бы соскучить подробнымъ описанїемъ оныхъ. На каждой страницѣ видимъ только одни грабежи и

опустошенїе городовъ и цѣлыхъ областей, крайнюю бѣдность и изнуренїе жителей — слѣды слабостей и распутствъ Владѣтельныхъ Князей, ихъ безразсуднаго и низкаго честолюбїя, ихъ взаимной зависти и безпрестанныхъ междоусобїй — и ни одного великаго дѣла, ни одной почти разительной черты добродѣтелей государямъ нужныхъ, или сильныхъ, великихъ страстей и пороковъ, которыя по крайней мѣрѣ для потомства наставительны. Самый любопытнѣйшїй и неутомимый читатель, съ негодованїемъ и нѣкоею тоскою въ душѣ перевернувши нѣсколько листковъ, подобною матерїею наполненныхъ, закрылъ бы навсегда таковую книгу, если бы Муза Исторїи блѣднымъ, мерцающимъ факеломъ своимъ не освѣтила предъ нимъ окрестныхъ странъ. . . Западъ, Сѣверъ и Востокъ привлекаетъ наше вниманїе и подкрѣпляетъ любопытство. *Владимїръ* на *Клязмѣ*, *Новгородъ* и *Галичъ* суть гранитныя стѣны для Великаго Княженїя Кїевскаго—крѣпкой оплотъ, въ продолженїе 12го столѣтїя удерживавшїй бурное стремленїе хищныхъ сосѣдей: Половцовъ, Болгаръ, Шведовъ, Нѣмцовъ, Литовцевъ и Венгерцовъ, грозившихъ со всѣхъ сторонъ ворваться въ сердце Россїи и разрушить древнюю столицу ея. Посреди степей необработанныхъ, дикихъ и дремучихъ, мрачныхъ лѣсовъ, честолюбивый Юрїй Владимїровичь строитъ новые города и крѣпости, на удобныхъ мѣстахъ поселяетъ бѣдныхъ подданныхъ своихъ, ободряетъ ихъ трудолюбїе, воюетъ съ сосѣдними народами: Мордвою и др. . . всегда побѣждаетъ ихъ, и полагаетъ основанїе Великому Княженїю Владимїрскому и самой Столицѣ — Москвѣ. Въ тоже время Владимїрко на опустошенныхъ, всегда свѣжею кровїю дымящихся по-

ляхъ Галицкихъ, утверждаетъ престолъ свой, распространяетъ и усиливаетъ свое небольшое владѣнїе, и въ одно время съ Юрїемъ объявляетъ себя совершенно независимымъ. Великїе преемники ихъ Ярославъ Галицкїй и Андрей Владимїрскїй еще болѣе возвысили и утвердили могущество своей власти и своихъ владѣнїй. Заботясь о благополучїи подданныхъ своихъ, они старались по возможности разсѣять чистѣйшїе лучи просвѣщенїя въ душахъ и сердцахъ ихъ; для сего изъ другихъ странъ Европы приглашали къ себѣ ученнѣйшихъ по тогдашнему времени мужей, искусныхъ художниковъ и мастеровъ всякаго рода, заводили училища, имѣли попеченїе о распространенїи торговли внутренней и внѣшней, и тѣмъ возвеличили и прославили имена свои и царствованїе. Въ Смоленскѣ тѣмъ же самимъ занимался благоразумный и добродѣтельный Князь Романъ, бывшїй два раза на Велико-княжескомъ Кїевскомъ престолѣ. Онъ столько любилъ науки, что все имущество, всѣ сокровища свои употребилъ на заведенїе училищъ и на жалованье учителямъ, которые между прочимъ преподавали Греческїй и Латинскїй языки.

Съ смертїю Ярослава погасъ и тихїй свѣтъ просвѣщенїя, возжженный имъ въ Галичѣ. Бурямежду усобїя поколебала престолъ, и ослабила могущество Княженїя Галицкаго, а нападенїя сосѣдей и совершенно низпровергли оныя; наконецъ Венгерцы отторгли область сїю отъ Россїи и присоединили къ своимъ владѣнїямъ.

Новгородцы, народъ ни отъ кого почти не зависимый, напитанный республиканскимъ духомъ, нетерпѣвшїй единодержавїя, дышавшїй одною вольно-

стію, которая подкрѣпляема была законами обожаемаго ими Ярослава и полученными отъ него преимуществами, — неменѣе привлекаютъ наше вниманіе и любопытство. Князья ихъ были не что иное, какъ предводители войскъ; мало, или во все почти ни какого особеннаго вліянія на внутреннее управленіе народомъ не имѣвшіе. У нихъ были для сего свои особенные начальники — *Посадники*, какъ бы главные Консулы древняго Рима, *Тысяцкіе*, какъ народные Трибуны, и другія низшія власти. Содѣлавшись страшными сосѣдамъ своею храбростію, неустрашимостію и побѣдами, Новгородцы еще болѣе прославились своею торговлею, которая около половины сего столѣтія, чрезъ заключенный торговой союзъ съ Нѣмецкими Ганзейскими городами, сдѣлалась весьма важною и, обогативши ихъ чужеземными произведеніями и сокровищами увеличила вмѣстѣ и могущество ихъ до того, что во все продолженіе ужаснаго порабощенія Россіи Татарами они сохранили свою независимость, силы, богатства и славу даже до временъ Іоанновыхъ. О народной ихъ гордости и высокомъ мнѣніи, какое имѣли они о себѣ, можно судить изъ словъ, содѣлавшихся со временемъ военнымъ ихъ сигналомъ: *кто противъ Бога и Великаго Новагорода?* . . .

Великое Княженіе Владимірское, по смерти Андрея Боголюбскаго, не смотря на междоусобіе преемниковъ его, всегда оставалось сильнѣйшимъ въ Россіи. Исторія представляетъ намъ Государей хотя не безъ слабостей, но достойными нашего уваженія: Михаила, Всеволода и Константина, которые, имѣя строгое смотрѣніе за судопроизводствомъ и наблюденіемъ правосудія, часто сами отправлялись

для осматриванія своихъ областей и городовъ и для прекращенія грабительства криводушныхъ, корыстолюбивыхъ судей. Весь народъ весьма любилъ ихъ, а особливо Константина, котораго добродѣтели, страстная любовь къ наукамъ и глубокія свѣденія въ нѣкоторыхъ частяхъ оныхъ, приобрѣли ему нелестную похвалу потомства, и высокое, почтенное названіе *Мудраго*.

На Кіевскомъ престолѣ между 16ю или 18ю Князьями можно отличить только Юрія Владиміровича, который въ двухлѣтнее царствованіе свирѣпостію нрава своего и распутствами столько ожесточилъ Кіевлянъ, что они смерть его, приключившуюся отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ и невоздержности во всемъ, почти столько же праздновали въ сердцахъ своихъ, сколько и Римляне смерть многихъ Августовыхъ преемниковъ; — потомъ Мстислава II, котораго писатели называютъ храбрымъ, умнымъ, прилѣжнымъ къ чтенію полезныхъ книгъ и неусыпнымъ о наблюденіи правосудія, и при которомъ произошло несогласіе между духовенствомъ и Князьями въ разсужденіи постовъ; но оное благоразуміемъ В. Князя прекращено, и наконецъ Романа Ростиславича Смоленскаго, о которомъ выше было сказано. — Прочіе В. Князья ни чѣмъ, кажется, не заслужили особеннаго вниманія. Достойно примѣчанія, что, при всѣхъ переворотахъ судьбы Россіи, Духовенство ни какой не имѣло власти въ правленіи Государственномъ, и ни когда самопроизвольно ни во что не вмѣшивалось, но напротивъ непосредственно состояло подъ вѣденіемъ Князей своихъ, и имъ безусловно повиновалось, — какъ въ то же время несчастные Государи Западной

Европы стенали подъ тягостнымъ игомъ своего духовенства, и не въ силахъ были свергнуть онаго — и Иностранцы все таки называютъ праотцевъ нашихъ слабыми, невѣждами, суевѣрами! . . Въ такомъ состоянiи была Россiя до начала 13 го столѣтiя.

Но вотъ поднимается страшная гроза отъ востока; бурныя обремененныя всесражающими перунами облака носятся надъ Китаемъ, Индостаномъ, Татарiею, Персiею; хладный ужасъ съ пасмурнымъ, грозящимъ взоромъ летаетъ вѣстникомъ ихъ приближенiя; опустошенiе и смерть въ различныхъ видахъ съ адскою улыбкою повсюду слѣдуетъ за ними. Вотъ сбираются онѣ въ одну ужаснѣйшую, мрачную тучу, которая поминутно то расширяясь, то стѣсняясь, клубится, съ шумомъ и глухимъ стономъ подается на Сѣверо-западъ, и вдругъ остановилась, нависла надъ Отечествомъ нашимъ! . . . Разтерзанная междоусобiями, обагренная кровiю собственныхъ сыновъ своихъ, Россiя вздрогнула, узрѣвши столь грозное, необыкновенное явленiе — и ни какой не взяла предосторожности — Я говорю о Монголахъ. Народъ кровожаждущiй, дикой, безъ всякаго понятiя о наукахъ и художествахъ, не имѣвшiй ни гдѣ постояннаго жилища, дышавшiй одною войною и грабежемъ, незнавшiй ни какихъ правъ, кромѣ права сильнѣйшаго, приобрѣтаемаго мечемъ, — сей звѣрской народъ, порожденный необозримыми, безплодными степями Монголiи, распространившими ужасъ и опустошенiе по всей Азiи, въ началѣ 13 го столѣтiя со всею несчетною силою своею придвинулся къ границамъ нашимъ. Нѣкоторые изъ Князей Россiйскихъ, доселѣ раздѣленные завистiю одинъ къ другому и частными выгодами, при видѣ общей опасности стекаются въ

древнюю Столицу Отечества, совѣтуются о мѣрахъ отраженія сильныхъ враговъ и сохраненія безцѣнной вольности своей; тщетно убѣждаютъ сильнѣйшаго въ то время изъ Князей Россійскихъ Юрія Всеволодовича В. Кн. Владимірскаго и другихъ Князей Сѣверо-восточной Россіи ко всеобщему и единодушному вооруженію; большая часть изъ нихъ остались въ бездѣйствіи. Итакъ небольшое Россійское воинство, предводительствуемое храбрыми Князьями своими, выступаетъ въ походъ, соединяется съ Половцами, переправляется чрезъ Днѣпръ, встрѣчаетъ небольшіе отряды Татаръ, опрокидываетъ оные, и съ новою бодростію подвигается далѣе. Увлекаемый излишнею храбростію и честолюбіемъ Мстиславъ Галицкій, безъ согласія и вѣденія Великаго Князя Кіевскаго Мстислава III, съ коимъ къ несчастію былъ онъ тогда въ несогласіи, отдѣляется съ своими и Половецкими войсками; вдругъ безчисленная толпа Татаръ приближилась, и съ страшнымъ крикомъ ударила на Мстислава и Половцевъ. Мстиславъ узнаетъ свою безразсудность и опрометчивость, чувствуетъ себя слабымъ сопротивляться несравненно его сильнѣйшему неприятелю, и проситъ Великаго Князя поспѣшить на помощь; но В. Князь, слѣдуя внушенію одного только оскорбленнаго самолюбія своего, остается на мѣстѣ, и, узрѣвъ совершенное пораженіе и бѣгство Россіянъ, въ смертельномъ страхѣ за лучшее призналъ окопаться на высокомъ холмѣ, предавши войско свое звѣрскому изступленію Татаръ; но по трехъ древной жестокой осадѣ сдавшись Татарамъ на честное слово сохранить ему и прочимъ Князьямъ жизнь — былъ въ тоже время тирански умерщвленъ ими. — Это было первое вторженіе сихъ

варваровъ въ предѣлы отечества нашего, при которомъ однакожъ обѣ главныя Столицы Россіи — Кіевъ и Владиміръ—уцѣлѣли. Вскорѣ послѣ сего 600,000 Татаръ, подъ предводительствомъ внука Чингисъ-Ханова страшнаго Батыя, появились на границахъ Рязанскихъ. По раззоренiи сего Княженія и умерщвленіи Князей его Батый со всѣми полчищами своими подступилъ подъ Владиміръ и, какъ страшная Гидра, облегъ оный. Юрій, за гордость и самонадѣяніе въ свою очередь оставленный всѣми Князьями, удалился съ малымъ войскомъ своимъ за Волгу, во ожиданіи подкрѣпленія. Татары взявши приступомъ городъ, и все предавши огню и мечу, обратились на Юрія, котораго при рѣкѣ Ситѣ на кровопролитнѣйшемъ, цѣлой день продолжавшемся, сраженіи совершенно разбили; — онъ палъ мертвъ на мѣстѣ сраженія. Симъ роковымъ пораженіемъ утвердилась власть Татаръ надъ Россіею — и тяжкія оковы постыднаго, продолжительнѣйшаго рабства зазвучали на храбрыхъ сынахъ ея! . . . Не беру на себя описывать подробно дѣйствія и всѣхъ слѣдствій тиранской, безчеловѣчной власти жестокихъ завоевателей. . . Это сверхъ силъ моихъ. — Чье сердце не содрогнется, не охладѣетъ отъ ужаса, не обольется кровію при повѣствованіи о тѣхъ бѣдствіяхъ и адскихъ мученіяхъ, каковыя въ продолженіе двухъ вѣковъ съ половиною претерпѣли наши несчастнѣйшіе праотцы? Сколько милліоновъ невинныхъ жертвъ— природныхъ Россіянъ — пало подъ остріемъ меча варварскаго, и истреблено пламенемъ! Сколько лучшихъ Князей нашихъ умерщвлено въ самой Ордѣ при глазахъ Ханскихъ! . . .

Неприятно, горестно, но для собственной пользы нашей необходимо, замѣчать ошибки давно оставившихъ міръ сей владѣтельныхъ Особъ, съ которыми столь неразрывно соединена судьба цѣлыхъ народовъ. И такъ скажемъ, что неизвинительные проступки Юрія Всеволодовича были одною изъ главнѣйшихъ причинъ несчастія нашего Отечества. Зависть, и порочное желаніе ослабить силы Князей Юго-западныхъ странъ Россіи, понудили его отказать имъ въ необходимой помощи при первомъ нашествіи Монголовъ, а гордость и самонадѣяніе — презрѣть благоразумные совѣты нѣкоторыхъ Князей и Бояръ, чтобъ оградить владѣнія свои, особливо съ Юго-востока, вновь построенными крѣпостями, снабдить ихъ нужными гарнизонами, и собравши заблаговременно многочисленное войско соединиться съ другими Князьями; на конецъ презрѣріе къ могуществу Татаръ и слѣпая увѣренность въ своемъ собственномъ, не позволили ему подкрѣпить силами своими Князей Рязанскихъ. Такимъ образомъ завоеватели во всякое время весьма много обязаны бываютъ проступкамъ тѣхъ, на кого нападаютъ.

Среди дымящихся развалинъ падшаго Отечества какъ приятно, какъ утѣшительно узрѣть героя — Патріота, который при всеобщемъ истребленіи еще усиливается поддержать колеблющійся остатокъ огромнаго, великолѣпнаго, но большею частію уже разрушеннаго зданія — славы народной! Взоръ нашъ съ любовію останавливается на немъ, сердце нѣсколько отдыхаетъ, чувства успокоиваются. Представьте себѣ юнаго, едва только научившагося владѣть мечемъ, Героя, который, съ горстію воиновъ — друзей своихъ, запершись въ небольшомъ, слабоу-

крѣпленомъ городкѣ, — противъ всего ополченія Татарскаго, предводительствуемаго Батыемъ, съ невѣроятнымъ мужествомъ защищался цѣлыя 7 недѣль. Это молодой 18 лѣтній Князь города Козельца. Одна только излишняя смѣлость и неопытность могли преодолѣть его. Раздраженный Батый потерявши подъ симъ городкомъ знатную часть своего войска и трехъ славнѣйшихъ царской крови Полководцевъ, назвалъ оный *злымъ городомъ*. — Не меньшей похвалы достоинъ и мужественный, неустрашимый Димитрій, Кіевскій тысяцкой, который при взятіи города Кіева съ такою удивительною храбростію отражалъ нападенія Татаръ, что самъ Батый, уважая оную, пощадилъ его, и желалъ принять въ число друзей своихъ. Будь нѣсколько таковыхъ героевъ, единодушіемъ, пламенною любовію къ Отечеству и общею опасностію соединенныхъ — и вся сила Монголовъ не могла бы преодолѣть Россіи! —

Замѣтимъ еще, что Россія, при всѣхъ внутреннихъ безпокойствахъ и междоусобіяхъ столь быстрые успѣхи въ просвѣщеніи оказавшая, въ продолженіе порабощенія своего лишилася всѣхъ прекрасныхъ плодовъ, неимовѣрными усиліями ума произведенныхъ. Правда Россіяне степенью образованія своего не были еще — древніе Римляне, а Кипчакскіе Ханы не были — Аларики, Айстульфы, Ѳеодорики; но то неоспоримо, что Россія въ 11мъ и 12мъ вѣкахъ если не болѣе, то покрайнѣй мѣрѣ и не менѣе другихъ Европейскихъ Державъ, была образована. Тогда, какъ многія владѣтельныя Особы въ Европѣ совершенные почти были невѣжды, — когда отъ служителей церкви — Учителей Христіанскаго исповѣданія — истокователей воли Господней, кро-

мѣ знанія молитвы: *Отче нашъ* . . . ничего болѣе нетребовали. Россія и между удѣльными Князьями имѣла многихъ, которые совершенно знали Греческой и Латинской языкъ, и по тогдашнему времени довольное имѣли свѣденіе въ нѣкоторыхъ частяхъ наукъ; при всякой почти церквѣ было заведено небольшое училище для просвѣщенія въ Законѣ Божіемъ, въ которыхъ учителями были приходскіе Священники, что предполагаетъ уже нѣкоторую высшую степень образованія въ сихъ послѣднихъ; по крайней мѣрѣ то очевидно, что не умѣя, подобно большой части западнаго духовенства, ни читать, ни писать, не могли бы они занимать и учительскихъ должностей, сколь бы малаго познанія ни требовалось отъ таковыхъ учителей. Пѣснь о походѣ Игоревомъ есть также произведеніе 12го вѣка. Что подобнаго сему превосходному творенію Авторскаго—Піитическаго таланта могутъ представить намъ Иностранцы въ доказательство тогдашняго превосходства своего предъ нашимъ въ образованіи? Но жестокое, тяжкое иго рабства подавило въ душахъ Россіянъ благородное стремленіе къ наукамъ; грубое закоренѣлое невѣжество варваровъ, ихъ угнѣтенія и тиранство, были причиною, что свѣтозарные лучи просвѣщенія на самой прекрасной зарѣ у насъ потухли, и уже не прежде 18 вѣка величественно озарили собою Россію.